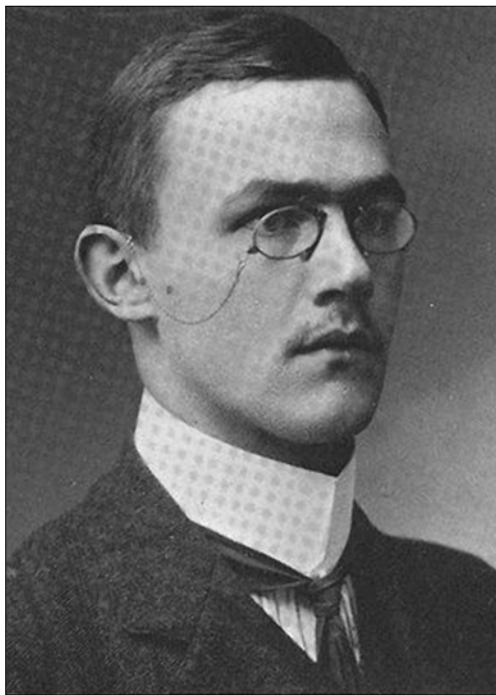

КАРЛ БАРТ

и чудо Рождества

КОГДА РЕЧЬ ЗАХОДИТ ОБ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО богословия, многие исследователи, как правило, обобщают католическое, протестантское и православное богословие, лишь иногда выделяя фигуры, которые интересны современникам. В последнее время все больше стал проявляться интерес к великому богослову XX века – Карлу Барту, которого многие признают как самого влиятельного теолога, по мнению Папы Пия XII, со времен Фомы Аквинского. Карла Барта – энергичного пастора маленькой швейцарской деревни, мужественного лидера сопротивления церкви нацизму, блестящего библеиста, любителя Моцарта – называют Доктором Вселенской Церкви современной эпохи. Размышления о Боге и современной науке демонстрируют его силу мысли и дают важные идеи для изучения христианства. Его жизнь протекала в один из самых сложных периодов в истории европейского континента, когда доминировал либерализм и идеи создания глобальной империи. К началу XX века в теологии существовало два направления – либеральное и «позитивное». Первое, опирающееся на историко-критический подход в истолковании Библии, было представлено именами И. Канта, Ф. Шлейермахера, А. фон Гарнака, В. Херманна; они искали тот фундамент веры, который мог устоять перед современной научной мыслью. Второе направление – «позитивное» примыкало к реформаторским исповеданиям XVI–XVII вв. и пиетизму XVIII в. и было более близко к повседневной церковной жизни; к этому направлению примыкал и отец Карла Барта – Йоганн Фридрих Барт.

Карл Барт родился в Швейцарии 10 мая 1886 г. в Базеле в семье профессора богословия и пастора Йоганна Фридриха Барта (1852–1912) и Анны Катарини (Сарториус) Барт (1863–1938). Карл Барт имел двух братьев – Питера и Генриха и двух сестер Катарину и Гертруду. С 1904 по 1909 г. Карл Барт изучал теологию в университетах Берна, Берлина, Тюбингена и Марбурга; он формировал свое мировоззрение на идеях Цвингли и Кальвина, у которых этический элемент был более ярко выражен, чем сакральность (впоследствии это проявилось в его творчестве). Несмотря на корни, связывающие его с реформатской церковью, он учился у отцов современной либеральной теологии – Вильгельма Херманна (1846–1922) и Адольфа фон Гарнака (1851–1930). Гарнак был чрезвычайно популярен в богословских и политических кругах и К. Барт мечтал учиться у него. А. фон Гарнак был возведен в рыцарское звание, а после войны ему предложили должность посла Германии в США, но он ее отклонил. (Сегодня одно из крупных правительственных зданий в Берлине носит имя Гарнака). Будучи студентом, К. Барт вникал во все новое и рано приучил себя к строгому анализу, доводя всякую мысль и идею до логического конца. Эту характерную черту своего мышления он сохранил на всю жизнь. Ему предложили докторантуру, но он отказался, так как хотел посвятить свою жизнь пасторской деятельности; в 1909 г. он становится помощником пастора реформатской церкви в Женеве и читает лекции там же, где проповедовали знаменитые Жан Кальвин и Джон Нокс. С 1911 г. по 1921 г. служит в приходе в небольшом местечке Сафенвиль, горном селении в кантоне Ааргау между Базелем и Цюрихом.

Карл Барт в студенческие годы.

Там жили 2-3 предпринимательские семьи и обнищавшие крестьяне и рабочие в тяжелых социальных условиях. Их мало волновали сложные теологические проблемы, поэтому молодой пастор думал о том, каким должно быть христианское толкование, чтобы оно стало понятным и привлекательным простым людям. Так К. Барт ставит теологическую работу на службу церкви. Его богословие должно было стать, как он считал, богословием для пасторов. Здесь, в Сафенвиле, он женился 27 марта 1913 г. на Нелли Хоффман, талантливой скрипачке (эту девушку настоятельно рекомендовала ему его мать). Однако их брак сложно назвать счастливым (хотя они прожили вместе 55 лет, до смерти Карла Барта), хотя у них было пятеро детей: дочь Франциска и четыре сына – Маркус, Кристоф, Маттиас и Ханс. Маркус Барт впоследствии стал теологом и преподавателем Нового Завета, Кристоф

Карл Барт и Нелли Барт с сыном Марком и дочерью Франциска в 1916 г.

сделал академическую карьеру, а Маттиас трагически погиб в Лозанне, когда ему было 20 лет.

Именно в Сафенвиле К. Барта застала Первая мировая война. Ему было всего 28 лет и для юноши это было сильное потрясение. К тому ж, он пережил эмоциональный стресс, когда узнал, что 93 художника и ученых, в том числе А. фон Гарнак и В. Херманн, подписали «Манифест интеллектуалов», которым поддержали военную политику кайзера Вильгельма II, а один из его любимых учителей, Адольф фон Гарнак, составил обращение Вильгельма II к немецкому народу, возвестившее о начале Первой мировой войны. В последующем это заставило К. Барта отвернуться от своего идейного наставника.

«Один день в начале августа 1914 года выделяется в моей личной па-

мяти как черный день. Девяносто три немецких интеллектуала произвели впечатление на общественное мнение своим провозглашением поддержки военной политики Вильгельма II и его советников. Среди этих интеллектуалов я обнаружил к своему ужасу почти всех моих богословских учителей, которых я очень почитал. В отчаянии от того, что это было знаменем времени, я вдруг понял, что больше не могу следовать их этике и догматике или их пониманию Библии и истории. По крайней мере, теология XIX века больше не имела никакого будущего»^[1].

Здесь же, в Сафенвиле, К. Барт знакомится с Эдуардом Турнизенем (1888–1974), который станет его богословским партнером и другом на всю жизнь. Э. Турнизен был пастором в соседней церкви в Лествиле (недалеко от Сафенвиля). Частые беседы, живое обсуждение жизненно важных вопро-

^[1] Karl Barth, *The Humanity of God*. Westminster/John Knox Press, 1999, p. 14.

сов заставили их вернуться к Библии и заново пересмотреть ее, без ссылок на теологию Ф. Шлейермахера и Адольфа фон Гарнака.

В 1915 г. Карл Барт вступает в социал-демократическую партию, провозгласившую социалистические идеалы, и выражает свою откровенную симпатию демократическому социализму. Он полагал, что Царство Божие, которое проповедовал Иисус, должно быть осуществлено через социалистическую утопию. Такая позиция Барта стала поводом к тому, что его назвали «красным пастором Сафенвиля». Но больше всего молодого теолога волновала проблема, — чем должно быть и в чем должно заключаться пастырское проповедничество. Либеральная теология не могла противостоять культуре, он искал совершенно новую теологическую основу, перечитывая и каждый раз по-новому истолковывая Евангелие. К. Барт стремился вернуться к реформаторам; «вместе с тем он вносит свой вклад в толкование священных текстов и в теологию, располагающуюся отныне под знаком диалектики»^[2]. Он отходит от либерального взгляда на христианство, и утверждает, что содержание Библии составляют «не правильные человеческие мысли о Боге, а правильные божественные мысли о людях»^[3]. К. Барт выставляет напоказ «фальшь веры и церкви» современного ему христианства, считая что «хороший» человек был буквально поставлен на место Бога, а Библия превратилась в документ религиозной истории. Поскольку протестантизм рассматривал христианство как вершину современ-

ной цивилизации, но теперь оно (христианство) было осуждено культурой Запада. Утрата основного содержания доктрины поставила протестантские церкви на грань кризиса существования.

Барт все больше склоняется к тому, что духовный кризис и как следствие — Первая мировая война — связаны с господством либеральной теологии, декларировавшей преемственность между человеческой религиозностью и Богом. Однако, по мнению Барта, «теология не может быть интеллектуальной игрой на фоне «настоящей жизни» или в ее перерывах; догматика, персональная и социальная этика, а также политика — неразделимы. Если нравственное и политическое поведение христианина оказались неприемлемыми, то это может свидетельствовать о глубоком изъяне в его понимании веры»^[4].

К. Барт берется за истолкование Послания апостола Павла к Римлянам; с этого начинается его революция в богословии. Оно звучало теперь самым актуальным образом. Это был совершенно иной новый метод истолкования. Позднее этот стиль будет обозначаться как *Новая объективность*. В 1919 г. его маленькая книжечка «Комментарий на Послание Апостола Павла к Римлянам» вышла в Берне. Он ее писал для рабочих — «синих воротничков», остро нуждавшихся в такой проповеди, которая обозначила бы их ориентиры и ценности.

Но вскоре К. Барт сам был разочарован этой своей работой, так как ис-

^[2] Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики. — М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006. — С. 75.

^[3] Там же. — С. 75-76.

^[4] Лезов С.В. Христианство и политическая позиция: Карл Барт // Путь. — №1. — 1992. — С.157.

толковывал Царство Божие как радикальное обновление политических и общественных обстоятельств, а не жизни верующего человека. Карл Барт выступает против либералов и позитивистов, называя их ответственными за «всеобщую слабость»: в центре обоих направлений, считал К. Барт, был благочестивый человек, а не Бог; поэтому теолог уходит от «антропоцентрической теологии» к «теоцентрической». Он использует Послание Павла к Римлянам для критики философского идеализма и религиозного социализма. Его внимание сосредоточилось на Божьем Слове (суде) над политическими и интеллектуальными башнями Вавилона. В Библии К. Барт открывает новый мир, мир Бога, который является Царством Божиим, установленным Богом, а не человеком. Но Бог является *совершенно иным*, абсолютно иным по сравнению с нашими земными вещами. Пропасть между Богом и человеком может быть преодолена только Богом, а Божья праведность как триумф благодати осуществляется через человечество Иисуса Христа. Эти мысли были изложены К. Бартом в строгой эсхатологической последовательности. Он работал как одержимый, прихожанам приходилось мириться с тем, что их пастор живет в кабинете. К. Барт считал, что первое издание было написано в туманной и спекулятивной форме, второе преподнесло читателю — «резко очерченные антитезы». Второе издание «Послания к Римлянам» (521 стр.) вышло в 1922 г. большим тиражом. Книга была написана очень быстро — за 11 месяцев. Он не оставил камня на камне от первого издания

^[5] Balthasar, Hans Urs von. The Theology of Karl Barth, 1992, p. 52.

^[6] Барт К. Христианин в обществе // Путь. — №1. — 1992. — С.180-210. — С. 180.

Римлян. Эта работа явилась резким противопоставлением либеральному протестантскому богословию. Различие между двумя изданиями Римлян хорошо выражено Гансом Урсом фон Бальтазаром в его знаменитой книге «Теология Карла Барта», когда он писал:

«Какая потрясающая книга! [Первое издание Римлян]. Басовые откровения аккордов отражаются повсюду. Он повторяет радикальный, философский мистицизм, радикальный исторический взгляд на мир и мощный универсализм, глубоко связанный с либерализмом и социализмом. Предисловие ко второму изданию Римлян утверждает, что все здание было разрушено до основания, так что ни один камень не остался стоять на другом. Возможно, Барт должен был быть более осторожным и избирательным в своих исправлениях...»^[5].

К. Барт отвергает любую попытку объединить Бога с человеческой культурой. Теперь, основываясь на «бесконечном качественном различии между временем и вечностью», К. Барт подчеркивал: «Бог есть Бог!» Еще в 1919 г. на одном из международных конгрессов социалистов К. Барт прочитал доклад «Христианин в обществе», в котором подчеркнул: «Христианин — это Христос. Христианин — это то в нас, что уже не есть мы, но Христос в нас»^[6].

В 1922 г. К. Барт получает должность профессора «реформатской теологии» на теологическом факультете университета в Геттингене, затем в 1925 г. — должность ординарного профессора догматики и новозаветной экзегезы в Мюнстере, с 1930 г. — профессора систематической теологии в Боннском университете. Он все больше

становится антиподом Ф. Шлейермахера, к нему примыкают Рудольф Бульгман, Эмиль Бруннер, Фридрих Гогартен. Вместе с ними он основывает в 1922 г. журнал «Между временами» (выходит до 1933г.), который становится органом новой *диалектической теологии*, или *теологией кризиса* (*krisis* — «суд»). В 1922 г. в докладе «Слово Божье как задача теологии», К. Барт подчеркнул: «Мы как богословы должны говорить о Боге. Однако мы являемся людьми и как таковые не можем говорить о Боге. Мы должны знать то, что мы должны, и то, на что мы не способны, и именно этим воздавать честь Богу»^[7]. Он все настойчивее подчеркивает «Да» Бога для человечества Иисуса Христа в отличие от «Нет» Бога, которое звучало в либеральной теологии.

В этот период К. Барт постепенно подбирается к Церковной догматике. Г.У. фон Бальтазар пишет об этом в «Theology of Karl Barth»: «Если мы посмотрим на долгую и сложную историю изменений с 1922 по 1932 гг., которые привели Барта от Послания к Римлянам к Церковной Догматике, то мы заметим самый важный момент тех переходных лет: его первую попытку набросать полномасштабную догматику»^[8]. К. Барт считал, что теология слишком сильно приспособилась к современной мысли благодаря «самосекуляризации», поэтому так была необходима церковная догматика, отражающая истинное понимание христианства. Церковная — это значит, она не должна приспосабливаться к духовно- и культурно-историчес-

ким процессам; она остаться верной Библии и Церкви. Внимание К. Барта сосредотачивается на трех направлениях — Иисус Христос, Писание и утверждение Церкви Евангелия. Постепенно значение Иисуса Христа как Слова Бога в живом смысле («откровение» всегда было «событием» у Барта) приобретает первостепенное значение. Так, К. Барт нарушает традиционную доктрину Писания, которая рассматривает Библию как нечто фиксированное и вдохновенное Богом.

В 1924 г. К. Барт знакомится с Шарлоттой фон Киршбаум (1899–1975), которая станет его помощником и секретарем. Она поразила К. Барта своим большим интересом к чтению и богословию, обладая уникальным интеллектуальным даром. Ее пастор Джордж Менц включил ее в свой интеллектуальный круг в Мюнхене, в который входил также и Томас Манн. Дж. Менц был крестным одного из детей К. Барта. Однажды Дж. Менц пригласил на лекцию К. Барта Шарлотту Киршбаум; это была их первая встреча. Вскоре Шарлотта и Дж. Менц навестили К. Барта в шале небольшого курортного местечка Бергли на Цюрихском озере и провели вместе лето^[9]. Проведя отпуск в Бергли в период летнего семестра 1929 г., К. Барт объявил своей семье, что Шарлотта Киршбаум будет его помощником и станет членом их семьи. Он настаивает на том, чтобы она жила в их доме; это оскорбило его жену и детей, перенесших стресс отношений. Такое положение семьи продолжалось

^[7] K. Barth *The word of God and theology*. New York, 1988, p.12 (электронный вариант).

^[8] Hans Urs von Balthasar *The Theology of Karl Barth*. Exposition and Interpretation. — Communio Books, Ignatius Press, — San

Francisco, 1992, 431p.— p.86.

^[9] Suzanne Selinger Charlotte von Kirschbaum and Karl Barth. — The Pennsylvania State University Press University Park, Pennsylvania 1998, 206 p. — p. 48.

35 лет, до 1964 г., когда Ш. Кишбаум пришлось поместить в дом престарелых с болезнью Альцгеймера. Совместная работа с Шарлоттой стала самым продуктивным периодом в жизни К. Барта. Она была его учеником, критиком, исследователем, советчиком, соавтором, спутником, помощником и доверенным лицом. Все, что он сделал, он сделал вместе с ней. Шарлотта была сильной и нетрадиционной женщиной, которая сделала свой выбор и расплачивалась за него всю жизнь. Она отказалась от собственной семьи и подвергалась постоянным унижениям со стороны церкви, общества, клана К. Барта, особенно его матери.

В 1927 г. Барт опубликовал как главный результат своей прежней работы «Проект христианской догматики», во многом основанный на философии и теологии Ансельма Кентерберийского, задававшего вопросом, *как вера помогает разуму выполнить свое дело*. Эта проблема становится моделью теологического метода Карла Барта. Он считает, что Бога можно познать только в Иисусе Христе, в Котором Он Себя открывает, т.е. «позволяет Себя сделать объектом познания». Так Барт переходит от диалектики к созданию христоцентрической догматики, в основу которой лег метод *христоцентрической аналогии*.

Под влиянием политических изменений, проходивших в Германии в 1933 г. в евангелических церквях возникла новая «религиозная партия» — так называемые *немецкие христиане* (движение возникло в Тюрингии). Первоначально Немецкая Евангелическая Церковь существовала как конфедерация

реформатских, лютеранских и объединенных протестантских организаций в Германии, но после прихода к власти нацистов эта конфедерация была преобразована в единую протестантскую церковь Третьего Рейха под управлением единого епископа — доверенного лица Гитлера — национал-социалист-пастор Людвиг Мюллер. *Немецкие христиане* сформировали партию национал-социализма в церкви, требовали расовой чистоты церквей, полагали, что исключение «еврейского элемента» и вступление в должность «фюрера» — это счастливое стечение обстоятельств, а принадлежность к определенной расе — порядок творения Бога; в смерти Христа видели «смерть героя». В ответ на такую позицию «немецких христиан», преданные Богу, а не Гитлеру, сторонники лютеранства и реформатства объединились в Исповедническую церковь, одним из лидеров которой был К. Барт. Эта церковь стала движением сопротивления нацистскому режиму и их сторонникам — *немецким христианам*. 29–31 мая 1934 г. евангелический «Исповедальный синод» в Бармене вынес решение о намерении сделать официальное заявление против нацификации немецкого христианства и постановил: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу как только через Меня» (Ин 14:6). Мы исповедуем: *Иисус Христос, как Он нам засвидетельствован в Священном Писании, является одним Словом Божьим, которому мы должны доверять и повиноваться в жизни и смерти*»^[10]. Пасторам было запрещено строить свою проповедь, исходя из современных исторических событий, считая, что политическое сознание не является равноправным с верой, ибо «...община принадлежит одному

[10] Барменская декларация о современном положении Германской евангелической церкви. — www.reformmed.org.ua/36

Штурмовики, защищавшие немецкую христианскую пропаганду во время выборов в Церковный совет 23 июля 1933 года в церкви Святой Марии, Берлин.

Иисусу Христу и только о нем должна свидетельствовать»^[11].

Была написана знаменитая «Барменская декларация», которая первоначально называлась «Теологическая декларация о нынешней ситуации Немецкой Евангелической Церкви», состоявшая из шести статей. Ее авторами были К. Барт, Г. Асмуссен и Т. Брейт. (Авторство этого документа приписывают только К. Барту, на чем настаивает Э. Буш, биограф К. Барта. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что он был единственным автором, т.к. окончательный вариант Декларации был отредактирован на Исповедальном синоде). Основная идея этого документа заключалась в том, что «Церковь своей верой и своей покорностью ... принадлежит толь-

ко Богу... она живет и хочет жить только Его утешением и наставлением..., а здание Церкви, на котором корениться ее свобода, состоит в том, чтобы от имени Христа... передавать всему народу в проповеди и таинстве весть о свободной благодати Бога»^[12]. «Барменская декларация» становится основополагающим документом Исповеднической церкви. К. Барт категорически выступил против спонсирования нацистским правительством немецкой протестантской церкви. Впоследствии, в 1952 г. К. Барт напишет статью «Бармен» и прокомментирует ту сложную ситуацию, в которой тогда находилась Исповедническая церковь. Он подчеркнул, что нельзя подчинять Церковь государственным интересам, каким бы ни было это государство, нельзя заменить веру в Бога на веру в государство или его лидера, какие бы блага не предлагало это государство: «Раз Иисус Христос есть единое Слово Бога, то именно Он

^[11] Барт К. Барменская декларация // Путь. — № 1. — 1992. — с.219-227. — С. 226

^[12] Барменская декларация // Социально-политическое измерение христианства. — М.: Наука, 1994. — С. 64-65.

ния. В 1938 г. К. Барт публикует статью «Оправдание и право», в которой определяет основные аспекты взаимоотношения христианской общины и государства. Мир и Церковь рассматриваются как «диалектические величины», которые «соединены бесконечным качественным различием между Богом и человеком»¹¹⁵¹. Церковь должна быть и оставаться Церковью и никаким образом не смешиваться с государством. Христианская совесть требует подчинения властям (Рим 13:1-2), но не обожествления государства, потому что божественного государства не существует; свое отношение к государству христиане выражают через отношение *ко всем* людям: «Итак, отдавайте *всем* должное... Ни у кого ни в чем не оставайтесь в долгу, кроме взаимной любви!» (Рим 13:7-8). Только Церковь наделена такой божественностью, которая как таковая «не может быть присуща земному государству»¹¹⁶¹. Поэтому Церковь не должна забываться и не должна присваивать себе атрибуты как Небесного Царства, так и земной власти (государства), чтобы не стать «поповским государством с нечистой совестью»¹¹⁷¹. К. Барт усиливает свою позицию, подчеркивая важность сохранения свободы человека: только благодаря праву может быть гарантирована свобода христианину и христианской общине, которая не только станет основой спасения и познания истины, но и обеспечит «упорядочивание» государства. Еще немецким классиком Г.В.Ф. Гегелем было указано на то, что в государстве должно реализовываться понятие свободы:

¹¹⁵¹ К. Барт. Послание к Римлянам. — М.: ББИ, 2005. — С. 389.

¹¹⁶¹ Барт К. Оправдание и право. — М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2006. — С. 34.

«Народы, не ведающие о том, что человек свободен в себе и для себя, живут в состоянии отупения как со стороны их государственного устройства, так и со стороны их религии. В религии и государстве — одно понятие свободы. Это единое понятие есть самое высшее из того, что дано человеку, и оно реализуется человеком. Народ, имеющий плохое понятие о Боге, имеет и плохое государство, плохое правительство, плохие законы»¹¹⁸¹.

Барт считает, что Церковь не будет поддерживать государство, если в нем ущемляется свобода. Церковь, проповедуя божественное оправдание, служит сохранению человеческого права, которое защищено свободой, в том числе права на свободу мировоззрения. Поэтому К. Барт настаивает на том, что государство не имеет право навязывать свое мировоззрение своим гражданам или тем более требовать любви к себе: «Правовое государство нуждается не в любви, а в трезвых делах решительной ответственности. Именно они гарантируются ему церковью оправдания»¹¹⁹¹. Поэтому исполнение политического долга, *ответственный* выбор власти выражается в активной политической деятельности; государство становится «форпостом христианской общины»¹²⁰¹. Апостол Павел говорил, что Бог не есть Бог беспорядка, но мира (1 Кор 14:33). Это и есть демократическое, т.е. основанное на ответственном участии всех граждан, государство. И «...христиане не только должны терпеть, но и хотеть его», они «призваны к работе и (пусть будет

¹¹⁷¹ Там же. — С. 43.

¹¹⁸¹ Гегель Г.В.Ф. Философия религии: в 2-х тт. Т. 1. — М., 1976. — 532 с. — С. 400.

¹¹⁹¹ К. Барт. Оправдание и право, с. 57.

¹²⁰¹ К. Барт. Оправдание и право, с. 45.

так!) к борьбе, как и к молитве за него, что каждый из них солидарно *ответственен за правовой характер государства*^[21]. Таким образом, подчеркивает К. Барт, Церковь не может быть ничем иным, как кульминационным центром диалектики: местом откровения Бога и проповеди сохранения права.

В 1932 г. К. Барт начинает работу над «Церковной догматикой», ему было 45 лет, а закончил он 4-й том, третью часть в 73 года. Она состояла более чем из 8 тыс. страниц. Барт испытывал большую физическую энергию и интеллектуальный порыв. В этом незавершенном шедевре К. Барт выразил себя в своих лучших проявлениях. Церковной догматикой К. Барт свидетельствовал об отказе от естественной теологии, а в центре библейского текста был поставлен Иисус Христос. Первый том Церковной догматики был озаглавлен «Учение о слове Божьем». «Пролегомены к христианской догматике». В нем он подчеркивает возможность христианского познания Бога на основании Откровения Иисуса. Такое откровение носит тринитарный характер: Вечное Слово, воплощенное в Иисусе Христе, написанное слово в Библии, и Божье слово в Церкви. К. Барт считает, что только в Иисусе Христе можно встретить истину и добро, ту форму, через которую все было создано. «В истории Иисуса, — пишет он, — мы имеем дело с реальностью, которая лежит в основе и предшествует всей другой реальности»^[22]. Каждый том Церковной догматики заканчивался этическими выводами, т. к. всякая догматика, считал Барт, — это этика, а

этика — это догматика. Моральное богословие Барта столь же христологично, как и доктринальное богословие. Как и догматика, этика Барта является теологией кризиса: кризис человеческого суждения в его столкновении с божественным суждением. Будучи кальвинистом, Карл Барт не мог обойти «учение о божественном предопределении». Он определяет триединого Бога как предопределяющего, как Бога, который прежде времен избрал для Себя самого «беду и несчастье», для людей — «благодать и принятие». Так К. Барт полностью перестраивает догматическое учение Ж. Кальвина о двойном божественном предопределении и считает неверным рассматривать неизбежное воздействие благодати на нас: с одной стороны — как награду, а с другой — как осуждение. Предопределение к осуждению невозможно со стороны Бога, после того как триединый Бог сам себя подверг осуждению (на Голгофе). К. Барт определяет Бога в высшем единстве как любовь. Полярность Бога и человека должна интерпретироваться не в экзистенциальном столкновении Бога и человека в кризисе веры, а в терминах единства Бога и человека в Иисусе Христе, в котором Бог пришел не в человеке, но как человек как примиряющий акт — «истинный Бог и истинный человек».

Вторую мировую войну, в отличие от Первой, К. Барт не воспринял как шок или потрясение. Он объяснил ее наличием проблемы гуманизма — в аспекте права, достоинства, святости людей. Эта война должна была ответить на крайне важный вопрос: станет ли в будущем гуманность основой развития для человека или выступит против него. К. Барт рассматривает христианскую антропологию в рамках

^[21] К. Барт. *Оправдание и право*, с. 59.

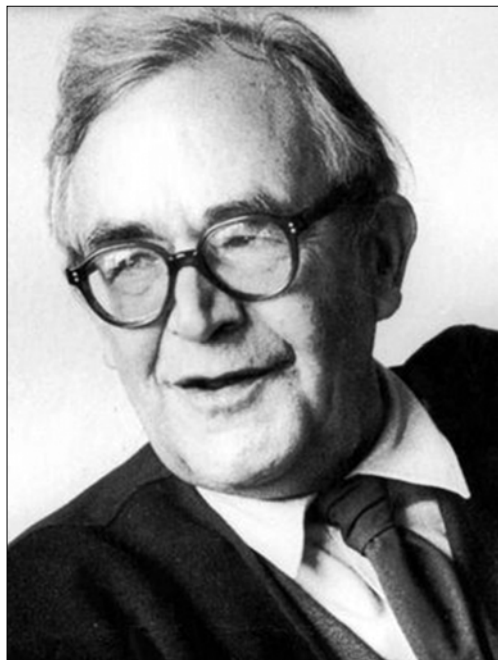
^[22] K. Barth *Dogmatic in Outline*. New York, 1949, p. 15 (электронный вариант).

человечности по отношению к Другому, только в связи с Другим, а не замкнутой в самой себе. То, что Бог мог стать человеком и тем самым сделал возможным истинную человечность, постепенно становится главной идеей, занимающей К. Барта.

В 1946 г. Барт был приглашен в практически разрушенный войной Бонн для чтения курса лекций по теологии в осеннем семестре студентам-теологам. Эти 16 лекций будут опубликованы в 1949 г. как «Dogmatics in Outline» («Набросок догматики»).

В 1948 г. К. Барт выступил на конференции Всемирного экуменического совета церквей в Амстердаме, где 351 делегат представлял 147 церквей. Он говорил о «Беспорядке в мире и Божьем плане спасения». В 1949 г. на симпозиуме в Боссе близ Женевы, где был организован Экуменический институт в 1946 г., К. Барт вновь обращается к проблеме гуманизма в докладе «Актуальность христианской вести» и говорит о соотношения нового гуманизма и христианства. Он предлагает как альтернативу новому гуманизму «гуманизм Бога», под которым подразумевает откровение Иисуса Христа и его человечность. «Гуманизму нужно прежде всего узнать, кто такой человек, чтобы определять гуманизм как цель человека»^[23].

В период с 1947 по 1954 годы проповедническая деятельность К. Барта была прервана: он много писал и читал лекции в университете Базеля. Но с 1954 года он снова проповедует. Однако он почти полностью ограни-

Карл Барт, 1958 г.

чился тюрьмой Базеля в качестве кафедры. Эти проповеди составили сборник «Освобождение пленников», опубликованный в 1961 г.

В возрасте 76 лет К. Барт впервые выехал за пределы Европы и посетил США, проведя там семь недель. Он слушал лекции Мартина Лютера Кинга в Принстонской семинарии и сам читал лекции в разных местах страны, в том числе в Принстонской духовной семинарии и Чикагском университете, участвовал в публичных дискуссиях, посетил наиболее важные из полей сражения гражданской войны (1861—1865 гг.). Однажды, когда он закончил увлекательную лекцию в Чикагской школе богословия, студент поднял руку и спросил у великого богослова: «Профессор, из всех богословских идей, которые вас когда-либо посетили, какую вы считаете наиболее величайшую из всех?» Аудитория погрузилась в молчание, ручки поднялись над записными тетрадями, чтобы дослов-

^[23] Бакши Н. Преодоление границ. Литература и теология в послевоенный период в Германии, Австрии и Швейцарии (1945—1955). — М.: Языки и славянские культуры, 2013. — 416 с. — С. 253.

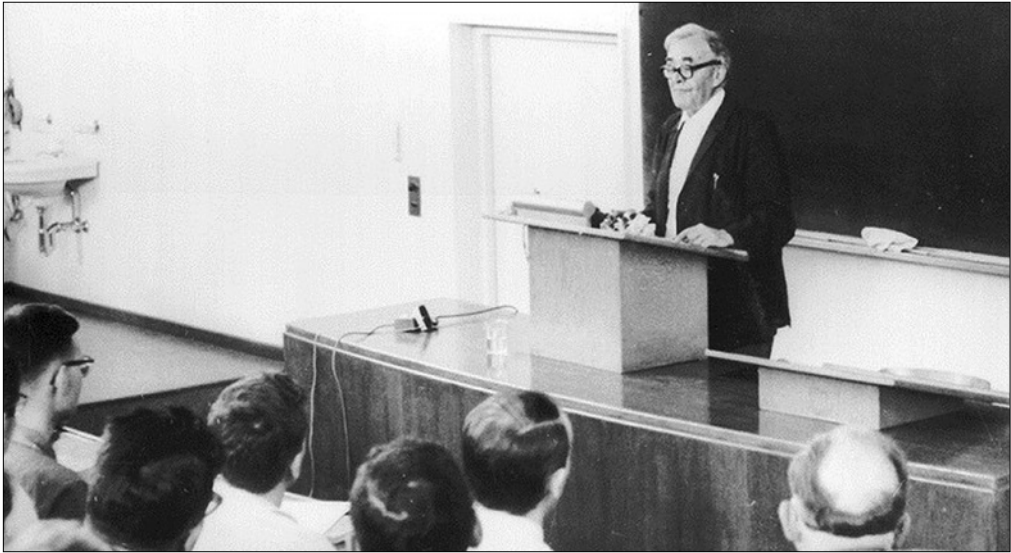
но записать мысли величайшего теолога. К. Барт на мгновение закрыл глаза, по-видимому, глубоко задумавшись, затем, улыбаясь, посмотрел на море выжидательных лиц и сказал: «Самое большое богословское понимание, которое я когда-либо получал, это: «Иисус любит меня; это я знаю, потому что Библия говорит мне об этом».

Последние годы жизни К. Барта сопровождало недомогание, переросшее в болезнь (операция, больничный режим). Он много читал, хотя и не писал. В 1964 г., незадолго до Рождества, был момент, Карл Барт перенес инсульт, лишивший его дара речи на полдня. Он воспринял это как знак Бога, который указал ему, что пора прекращать писать. Однако осенью 1965 г. он ненадолго возвращается к письменному столу. Но уже к концу 1965 г. тяжело заболела Шарлотта фон Киршбаум (ее поразила болезнь Альцгеймера), его помощница, которая работала вместе с ним с 1930 г. и К. Барт понял, что не сможет продолжать Церковную догматику без нее (демонстрируя, что «Лолло» была гораздо больше, чем «верным помощником»). Сложно сказать, что чувствовала Нелли Барт, но она никогда не переставала верить в своего мужа и его работу. В какой-то степени, Карл и Нелли испытали примирение, когда Шарлотта покинула их дом. Они оба посещали ее в доме престарелых по воскресеньям вплоть до смерти К. Барта в 1968 г. Шарлотта умерла в 1975 г. и Нелли, по желанию мужа, похоронила Шарлотту в могиле семьи. Сама Нелли умерла в 1976 г.^[24]

^[24] Об этом написала Сюзанн Селинжер в кн. «Шарлотта фон Киршбаум и Карл Барт: Исследование в области биографии и истории богословия».

В мае 1966 г. Барт праздновал свое 80-летие. На какое-то время он отложил автобиографию, которую начал писать, и заинтересовался результатами II Ватиканского собора; в сентябре 1966 г. он отправился в Рим. К. Барт был принят Папой Павлом VI. Кардиналы приветствовали его аплодисментами на Международном теологическом конгрессе. Эта поездка побудила его на какое-то время вернуться к академической деятельности, по крайней мере, в виде небольших семинаров. Он называл этот период периодом «позднего Барта». Однако силы его покидали, он все меньше работал и 10 ноября 1968 г. Карл Барт ушел в вечность.

Существует множество дискуссий вокруг интерпретации теологии К. Барта, однако одно несомненно — ее следует рассматривать в целостности, полноте, учитывая контекстуальный характер того или иного текста. Любое внимание в адрес Барта вряд ли ему понравились бы, т.к. он всегда считал, что главная тема теологии — Бог, а не люди, их взгляды и заботы. Над его письменным столом висела копия картины «Распятие» Маттиса Грюневальда как напоминание о задаче теолога. На картине изображено распятие Иисуса Христа, справа от креста стоит Иоанн Креститель, указывающий пальцем на распятого Христа. К. Барт считал, что работа богослова заключалась в том, чтобы подражать этому пальцу, указывающему от него к Иисусу Христу. Так и было в его страстном и всегда блестящем творчестве. Основой взглядов К. Барта был трансцендентный Бог, Тот, Кто стоит над нами, а также над нашими высокими и глубокими чувствами, устремлениями, интуициями» — «над пространством, временем и возмож-

Карл Барт за кафедрой в университетской аудитории.

ностями»^[25]. Центром теологии Барта был Иисус Христос, поэтому весь путь «Сына Божьего на чужбину» стал предметом исследования теолога. Скрупулезно разъясняя каждый момент Его присутствия в мире, К. Барт начинает с «Чуда рождества» (один из параграфов первого тома «Церковной Догматики»), о котором пишет с трогательной любовью и большой осторожностью, улавливая каждый момент этого удивительного события; разбирая все детали условий и обстоятельств прихода в мир Бога в Иисусе Христе. Теолог рассматривает рождественское повествование не как миф или легенду, а как историческое событие, которое происходит в конкретном месте и с очень конкретными людьми: «Если происходит то, что Бог приходит к нам как один из нас... тогда это есть, очевидно, реальное историческое событие, происходящее в пространстве и во времени как истории...»^[26]. Поэтому рождество, считает

К. Барт, это не церковная история, восхваляющая смирение, мир и добрую волю, а поразительное воспоминание о беспрецедентном, чудесном и таинственном проникновении Бога в мир «посреди всех болезней и природных бедствий, всех войн и революций, заключений мира и нарушений мира, посреди прогресса, застоя и регресса, посреди заслуженный и незаслуженных несчастий...»^[27]. Вторжение божественной любви в трагическую судьбу человечества — это «новое событие», нечто, что происходит в истории, но которое не может быть понято только как событие в историческом процессе. Это «новое начало» не может сравниться с другими событиями, оно не имеет аналога. Иисус Христос — это внутренний смысл творения и искупления, который ведет к осознанию Богочеловечности Иисуса Христа. Вочеловечивания Бога имело целью примирение Бога с человеком. Поэтому смысл

^[25] K. Barth *Dogmatic in Outline*. New York, 1949, с.37 (электронный вариант).

^[26] Барт К. *Церковная догматика*. — М.: Библейско-богословский институт св. Апо-

стола Андрея. — Т. 1. — 2007. — 560 с. — С.160.

^[27] Барт К. *Мгновения*. — М.: ББИ, 2006. — 160 с. — С. 38.

Карл Барт за работой.

этого события приобретает форму значения, особую направленность жизни человека. К. Барт связывает историчность события с конкретным регионом мира, с участием исторического лица — Иисус родился в семье Иосифа, Он законнорожденный, пусть и «не физический, но рожденный в браке, не единственный, но законный сын Иосифа, а значит и Давида»^[28]. Ссылаясь на Матфея (Мф. 1:18-25 «Насаждение Иисуса в род Давида»), К. Барт замечает, что такая связь «не могла прочнее связать Иисуса с домом Давида, чем это сделала данная в Откровении воля Бога»^[29]. Такая позиция К. Барта поддерживает преемственность с Жаном Кальвином, который, также указывал на родственную связь с домом Давида: «Христос и произошел от семени Давида»... «по плоти», чтобы разумели мы Христа, имеющего нечто большее, чем плоть, то, что принес Он с не-

^[28] Барт К. Церковная догматика. — М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. — Т. 1. — 2007. — 560 с. — С. 157.

^[29] Там же. — С. 158.

^[30] Кальвин Ж. Толкование на Послание апостола Павла к Римлянам и Галатам. — Минск: УП «Минская фабрика цветной печати», 2007. — 551 с. — С. 18-19.

бес...»^[30]. Эти слова не обязательно означают биологическую преемственность. Иосиф в рождестве отходит на задний план, его место занимает Бог, «как творец, созидающий и утверждающий нечто новое»^[31]. Так, Рождество становится делом Божьи, а человек — *лишь* как участник этого дела, как «обитель»: «...обитель в человеке, действует и говорит в нем»^[32]. Кульминацией рождества, этого удивительного события в

толковании К. Барта, становится девственность Марии. «Рождество девы» — это что-то необычное в человеческой истории, но и одновременно нечто, что не может быть обычным — рождество *от Девы*. К. Барт, в толковании этого события, трогательно пишет о Марии как матери Искупителя, в которой выражена милость Божья, потому что она не только родила Христа, давая ему человеческий облик, но и потому, что она несла его под сердцем как та, кто чиста божественно. К. Барт обосновывает это положение (во второй части главы «Чудо Рождества») как «суверенность божественного действия и тайну рождества путем прямого и абсолютно конкретного отрицания»^[33]. Таковую особую миссию Марии, ее девственность церковь выразила в догмате и «поставила этот догмат в качестве, так сказать, стражи дверей, ведущих к тайне Рождества»^[34]. К. Барт рассмат-

^[31] Барт К. Церковная догматика. — М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. — Т. 1. — 2007. — 560 с. — С. 187.

^[32] Барт К. Введение в евангелическую теологию. — М.: Центр «Нарния», 2006. — 192 с. — С. 31.

^[33] Барт К. Церковная догматика. — М.: Библейско-богословский институт св. Апо-

ривает этот догмат в дуализме (deus), выраженном в Иисусе Христе, как настоящем Сыне настоящей матери, и в этом полном смысле — человеке, «истинном человеке и истинном Боге». Мариология становится неотъемлемой частью христологии, богочеловечности Иисуса Христа. Свою бытийность Иисус Христос «имеет от человека и потому, согласно этому бытию его называют Сыном Человеческим»^[35]. Девственность Марии — это, пожалуй, и есть единственная возможность что-то сделать для Бога, т.к. человек в своей слабости ничего не может сделать для Бога. Мария обретает такую возможность через благодать: Лк 1:26-38 «Радуйся благодатная, Господь с тобой» (28); «Обрела благодать у Бога» (30). В *ex vergin* (девственность Марии) явно выражено предметное: «Когда слово становится плотью, когда Сын Божий принимает «человеческое естество», человеческая природа испытывает вполне определенное ограничение. Она обретает благодать»^[36]. Иначе естественное зачатие не было бы знаком тайны. Но сама благодать, подчеркивает К. Барт, не приходит иначе, как через узкие врата, и по тесной дороге суда. И поэтому она должна пониматься в этом *ex vergin*. Когда Мария становится матерью Иисуса Христа, т.е. «вратами вхождения» Божественного откровения в жизнь человека, объявляется, что никаким другим способом не может быть материнства Иисуса Христа. В *ex vergin*, объясняет К. Барт, и осуществляется

приговор человеку, чья «природа не способна сама по себе стать природой Иисуса Христа»^[37]. Материнство реальной женщины подчеркивает реальность человека Иисуса Христа, через нее человечество соединяется с Богом, а Бог — приходит в человеческий мир. В этом фрагменте К. Барт мастерски раскрывает чудо рождения *ex vergin*. Девственное рождение является чудом, знаком «в творческом деле всемогущего Божества»^[38], тайной вочеловечения Сына. Это событие становится необъемлемой частью понимания тайны евангелия и самого Христа. «Иисус Христос — настоящий сын настоящей матери, причем оба реальны в этом также как и другие сыновья у других матерей: сын рожден из тела, из плоти и крови своей матери. Так и не иначе родился Иисус Христос. В этом полном смысле Он и есть человек»^[39]. Поэтому Рождество может быть понято только как знак, данный Богом в своей свободе, как «знак свободы и непосредственности»^[40]. В лице Марии выражено милосердное отношение и любовь Бога к человеку через Иисуса Христа: «Когда пришло время, Бог послал Сына Своего, рожденного от женщины по закону» (Гал. 4,5) и она становится вечным носителем Христа. Без девственности Марии была бы утрачена искупительная тайна ее Сына. «Через Святого Духа человек может быть Сыном Божьим и одновременно вторым Адамом»^[41]. В Рождестве мы неожиданно обнаруживаем, что приход Бога выражен в духовном личном присутствии

стола Андрея. — Т.1. — 2007. — 560 с. — С. 172.

^[34] Там же. — С. 166.

^[35] Шеллинг Ф.В.Й. Философия Откровения. В 2-х тт. — СПб.: Наука, 2002. — Т.2, пер с нем. А.П. Шербелева. — 478с. — с.53.

^[36] Барт К. Церковная догматика. — М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. — Т.1. — 2007. — 560 с. — С.175.

^[37] Там же. — С. 176-177.

^[38] Барт К. Церковная догматика. — М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. — Т. 2. — 2011. — 712 с. — С. 483.

^[39] Там же. — С. 172.

^[40] Там же. — С. 167.

^[41] Там же. — С. 190.

Бога: лично в Иисусе Христе и духовно в Святом Духе. Однако Святой Дух «никогда не обозначался как божественный отец»^[42], пусть даже только человека Иисуса Христа. К. Барт отвергает всякую возможность обозначить Бога в трех «лицах» или трех «разных личностях» «...со своим сознанием, волей и действием, с тремя особыми влияниями и откровениями, с тремя различными именами»^[43]. Бог един и у Него «есть триединое имя Отца, Сына и Святого Духа»^[44], как название различных способов бытия Бога. Иисус Христос «есть единственный Сын Божий, *Filius Dei unicus* (лат. — Единственный сын Божий)»^[45].

В лекции 1956 г. «Человечество Бога» К. Барт настаивает на том, что с самого начала от основания мира, Бог Отец намеревался общаться с человеком через человека Иисуса Христа. По его словам, Бог — это вечная «сокрытость» человеческого рода. В Иисусе Христе осуществляется встреча человека с Богом. Бог выходит из Своей сокрытости и прячет Себя в человеке, что делает Рождество Иисуса Христа тайной Откровения: «...в этом Иисусе Бог подлинно спустился Сам в человеческое и сокрыл Себя в нем»^[46]. Бог в Иисусе Христе открыт и закрыт одновременно, Иисус является той точкой, в которой осуществляется воплощение Бога в человеке и в которой выражен смысл такого воплощения. В истории Иисуса Христа, пишет К. Барт, выражено «единство, которое стало событием»,

«единство истинного, снизошедшего до общения с человеком с потому свободно милостивого Бога с истинным, возвышенным до общения с Богом и потом свободно благодарным человеком. Так «Бог был во Христе»^[47]. Иисус — не просто человек, Он — человек в мире, вечность во времени, истина в знании. В этом заключается сложность воплощения Иисуса Христа: Он одновременно человек и Бог, который спасает мир от хаоса и гибели. Иисус осуществляет открытость Бога и Своей человечностью одновременно укрывает Его: тайное дает о себе знать через явное, — в этом особенность Рождества Иисуса Христа, когда за очевидным кроется нечто большее, чем очевидность. «Иисус по плоти» — это *та* возможность, которая несет в себе все симптомы невозможного. Его жизнь — это история в истории, она вещественна среди вещей, временна во времени, человечесна в человечестве, но эта история наполнена смыслом, эта вещественность — указаниями на начало и конец, это время — памятью о вечности, эта человечность — говорящим Божеством»^[48]. Его присутствие — это уже возможность стать присутствующим. В этом сопряжении присутствия и присутствующего и обнаруживает себя то воплощение, которое несет в себе Иисус Христос. Такое присутствие рождает «новое начало»; оно не может сравниться с другими событиями, не может быть выведено в контексте других событий, не имеет аналога. Это начало приходит в качестве ново-

^[42] Барт К. Церковная догматика. — М.: Библиейско-богословский институт св. Апостола Андрея. — Т.2. — 2011. — 712 с. — С. 483.

^[43] Там же. — С. 480.

^[44] Там же. — С. 480.

^[45] Там же. — С. 482.

^[46] Барт К. Церковная догматика. — М.:

Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. — Т. 1 — 2007. — 560 с. — С.168.

^[47] Барт К. Введение в евангелическую теологию. — М.: Центр «Нарния», 2006. — 192 с. — С. 31.

^[48] Барт К. Послание к Римлянам. — М.: Библиейско-богословский институт св. Апо-

го смысла и становится основой силы человека. В воплощении Божьего слова осуществляется акт присутствия истины: «...У меня есть пища, которой вы не знаете» (Ин 4:32). Поэтому рождественская история представлена не как самостоятельная история о начале жизни Иисуса Христа, это божественная история, которая повторяется в жизни Иисуса Христа и которая повторяется у каждого человека. Другими словами, рождество является прообразом нового начала, каждого нового творения. С момента Рождества, с того дня, когда Бог стал плотью, *сегодня* всегда является новым днем, в котором разрушается греховная история человека, рожденного от греховного Адама. Иисус Христос — как точка пересечения двух миров — мира Бога и «мира изначального откровения, как «место излома между известными (тварными — Н.П.) и неизвестными (Божественными — Н.П.) мирами»^[49]. В Рождестве будущее уже началось. Это не неопределенное (слепое, неизвестное) будущее наполнено определенным смыслом, свободой, способностью и властью. Это будущее началось с того, когда Бог возлюбил и примирил в себе мир, — в мир пришел Иисус Христос, освященный человек. Это будущее присутствует уже в сегодняшнем дне, каждый человек несет его в себе и только через Иисуса Христа оно может быть открыто: «Бог, который стоял бы в конце этого пути, не был бы Богом»^[50]. К. Барт, несмотря на дуализм противопоставления трансцендентного Бога и тварного мира, под-

Карл Барт с Мартином Лютером Кингом в Принстоне, Нью-Джерси, 1962 г.

черкивает великую целостность этого мира и Бога в лице Иисуса Христа, в котором «откровение становится реальностью»^[51]. Так же как «время и вечность, праведность человеческая и праведность Божья, этот и тот мир в Нем обобщены в Боге»^[52]. В этом разделении на божественное и человеческое и заключена проблема духовности, проблема спасения человека, ибо познать мир вне Бога нельзя. Но этот разрыв (диастаз) неизбежно несет в себе и соединение в божественном основании. «Через Его присутствие в мире и в нашей жизни мы перестали существовать как люди и получили основание в Боге»^[53]. Мы не узнаем, что значит быть человеком до

стола Андрея, 2005. — 580 с. — С.75-75.

^[49] Там же. — С. 3.

^[50] K. Barth Dogmatic in Outline. New York, 1949, p. 177 (электронный вариант).

^[51] Барт К. Церковная догматика. — М.: Библейско-богословский институт св. Апо-

стола Андрея. — Т. 4. — 2015. — 344с. — с.198.

^[52] Барт К. Послание к Римлянам. — М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2005. — 580 с. — С. 86.

^[53] Там же. — С. 5.

Профессора Базельского университета. Карл Барт впереди справа.

тех пор, пока не увидим раскрытие в Иисусе Христе того, кем должен быть человек. И хотя К. Барт говорит вслед за С.Кьеркегором о «бесконечном качественном различии между Богом и человеком», он (К. Барт) в христоцентрической теологии соединяет их не только в богочеловечности, но и в воскресении Иисуса Христа.

Между этими двумя пределами — «девственное рождение вначале и пустой гроб в конце жизни Иисуса»^[54] раскрывается тайна Его жизни. То, что было сокрыто вначале, в конце тайна раскрывается. В одном случае это обозначается «чудом девственного рождения, в другом — чудом пустого гроба»^[55]. Чудо Рождества уже вклю-

чает в себя и чудо *пустой гробницы*. Рождественская история является только началом событий в Откровении Божьем. «Рождество и Пасха призваны обозначить таинство рождения Христа, двойное рождение помазанника Божьего»^[56]. Бог был сокрыт в человеческом, но Он должен был открыться, как это и произошло в событии Пасхи. Рождественская история является только началом событий в Откровении Божьем; Рождество говорит о рождении Спасителя. Это основа рождественской истории. «Спаситель — это тот, Кто приносит нам спасение, Кто спасает нас, Кто освобождает нас. Он тот, Кто приносит спасение всем! Он не делает исключений, потому что мы все нужда-

^[54] Барт К. Церковная догматика. — М.: Библиейско-богословский Институт св. Апостола Андрея. — Т. 1. — 2007. — 560 с. — С. 167.
^[55] Там же. — С.169.

^[56] Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. Богословские перспективы современной культуры. — М.: Библиейско-богословский Институт св. Апостола Андрея, 2008. — 517 с. — С. 307.

емя в его спасении и потому что Он есть Сын Божий, который является Отцом всех нас. Когда он стал человеком, он стал нашим братом»^[57] К. Барт не разделяет позицию Ж. Кальвина о двойном предопределении, так как в принципе невозможно предопределение к осуждению со стороны Бога, после того, как Бог Сам Себя подверг осуждению (на Голгофе). Ибо Бог есть любовь, а значит свет и спасение. Бог спасает человеческую личность, которая «возникает вследствие жертвы Христовой на пепелище опустошенной природы»^[58].

Карл Барт утверждает, что есть только путь Бога к человеку через Иисуса Христа, а не от человека к Богу. В Иисусе Христе примиряется непримиримое: Бог и человек, вечность и время, смерть и воскресение. В Рождестве осуществляется великая любовь Бога к миру, когда Он «отправился на чужбину»^[59]. В Его нисхождении к людям есть «свобода Его любви». «Бог любит, потому что в этом есть Его сущность: как Отец, Сын и Дух, он есть любовь чистая и простая и Он любит Свои создания... Бог любит вечно...»^[60].

История Иисуса Христа — это не только величайшая из всех историй, но это также самая большая история любви, когда-либо рассказанная. Воплощение знаменует собой начало великой истории любви и личной любви Бога к человечеству. Рождество — это то место, где мы находим Божьего Сына, пересекающегося с челове-

чеством. Рождество — это история невозможного: Бог становится человеком. Вечный, неизменный Бог входит в историю человечества, нашу историю со всеми ее изменениями и вариациями, Могучий Бог смиряет себя, становясь беспомощным младенцем.

Рождество — это вечная история любви к нам; космическое любовное письмо, завернутое в пеленки, лежащее в яслях с сообщением каждому человеку: «В твой самый темный час, когда двери, в которые ты постучишь, захлопнутся перед тобой, когда друзья отвернутся от тебя, когда все кажется потерянным — не бойся! Ты не одинок! Бог всего творения говорит в такие моменты: Закрой глаза, сделай глубокий вдох, а затем повтори вечную истину: «Иисус любит меня; я это знаю. Ибо Библия говорит мне об этом».

Заключение

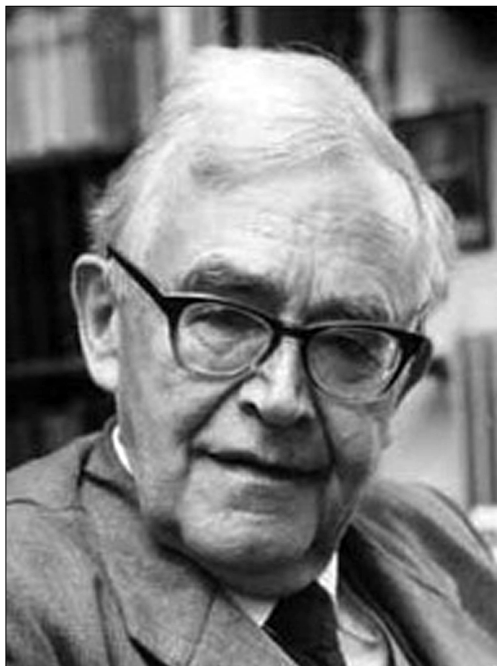
Великий швейцарский богослов Карл Барт определил направление и основные черты христианской теологии в XX и XXI в. Сформированная им диалектическая теология привела к острой дискуссии в христианской религиозной мысли. Карл Барт оставил блестящее наследие своим потомкам — 13-ти томную Церковную догматику, проповеди, письма, выступления на конференциях, блестящие лекции в университетских аудиториях. Он тщательно и скрупулезно анализирует каждый момент рассматри-

^[57] K. Barth *Dogmatic in Outline*. New York, 1949, p. 21 (электронный вариант).

^[58] Маритен Ж. *От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики*. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006. — 216 с. — С. 76.

^[59] Барт К. *Церковная догматика*. — М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. — Т. 2. — 2011. — 712 с. — С. 444.

^[60] Цит. по: Hans Urs von Balthasar *The Theology of Karl Barth. Exposition and Interpretation*. — Communio Books, Ignatius Press, — San Francisco, 1992, 431p. — p.171.

Карл Барт в последние годы жизни.

ваемого библейского текста в различных вариациях, но всегда в рамках аналогии благодати, т.к. и «жизнь человека должна восприниматься как аналогия благодати». Человечество Иисуса Христа, Его жизнь, смерть и воскресение призывает людей соответствовать в своем поведении Его служению, направлять свои действия по Божьему действию; это и есть аналогия благодати. Карл Барт считает, что не только наша праведность перед Богом (оправдание), но и наша доброта или святость (освящение) совершается Божьей благодатью в Иисусе Христе. Центричность Иисуса Христа является идентификацией теологии Барта, который считал, что христология должна быть «сердцем догматики церкви». Ганс Урс фон Бальтазар утверждает, что К. Барт «интерпретирует все светские и мирские отношения

и реалии»^[61] с «радикально христоцентричной» позиции. Если воплощение является реальностью, если суверенный Бог фактически воплотился в личности Иисуса Христа, может ли теология быть какой-либо иной, кроме как христоцентрической? Такое воплощение К. Барт называл «Чудом Рождества», это *совершенно* «новое событие», в отличие от какого-либо другого и превосходящее историческое понимание. Рождение Иисуса от Девы Барт называет «чудом и тайной Рождества» и как знак присутствия Бога в истории человечества. Рождественская история — это история «нового человека», нового начала с того дня, когда Бог стал плотью в Иисусе Христе, Он возлюбил мир и примирил его в Себе, Он ввел оправданного и освященного человека как второго Адама (который был до первого). Для Барта понимание воплощения Бога имело особенное значение как кульминация вечной цели Бога, как уникальное откровение Бога в истории времени. Это Любовь, о которой Павел говорит, что она никогда не заканчивается и представлена в Рождественском послании и узнаваема во многих местах. Бог обращается через откровение, которое раскрывается только по вере, Он не требует и не ожидает ничего, кроме веры, Сам являясь Любовью, которая никогда не терпит неудачу, ибо свершилось событие, говорящее: «Et incarnatus est».

Карл Барт был блестящим проповедником. Будучи еще молодым пастором, Барт понимал, что речь проповедника должна иметь керигматический, провозглашающий характер и всегда быть нацеленной на практическую деятельность Церкви. Проповеди Барта, пронизанные моментом встречи откровения и провозглаше-

^[61] Hans Urs von Balthasar, *The Theology of Karl Barth*, tr. Edward T. Oakes (San Francisco: Communio, 1992), p. 30.

ния в сочетании с сакраментальностью, представляют некую скрытую «пророческую проповедь», которая устанавливает связь слушателя и воскресшего Христа и создает возможность личной встречи с живым Богом.

Верность Слову Божьему и активная политическая позиция сделали его лидером Исповеднической церкви в Германии в начале 30-х гг. XX века, когда он выступил против проникновения нацизма в протестантские организации. Он становится одним из авторов Барменской декларации, которая сегодня является одной из основ реформатских и униатских (т.е.

объединенных протестантских) церквей. Когда речь шла о судьбе церкви в годы Второй мировой войны, Барт настоятельно призывал к святости богословских идей, которые помогают церкви быть Церковью Иисуса Христа. Он никогда не стоял в стороне от политических процессов в мире: приветствовал запрет на использование атомного оружия, отказался поддерживать антикоммунистическую пропаганду против «Востока», за что был обвинен в симпатиях коммунистам. Его политические взгляды всегда следовали из догматики, центром которой был Иисус Христос.

Библиография

- Hans Urs von Balthasar *The Theology of Karl Barth. Exposition and Interpretation.* Communio Books, Ignatius Press, San Francisco, 1992, 431 p.
- Barth K. *Dogmatic in Outline.* New York, 1949. (электронный вариант)
- Barth K. *The word of God and theology.* New York, 1988 (электронный вариант).
- Suzanne Selinger Charlotte von Kirschbaum and Karl Barth. *The Pennsylvania State University Press University Park, Pennsylvania,* 1998, 206 p.
- Бакши Н. Преодоление границ. Литература и теология в послевоенный период в Германии, Австрии и Швейцарии (1945–1955). – М.: Языки и славянские культуры, 2013. – 416 с.
- Барменская декларация о современном положении Германской евангелической церкви. См.: www.reformed.org.ua/36
- Барт К. Барменская декларация // Путь. – № 1. – 1992. – С. 219-227.
- Барт К. Введение в евангелическую теологию. – М.: Центр «Нарния», 2006. – 192 с.
- Барт К. Мгновения. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2006. – 160 с.
- Барт К. Оправдание и право. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2006. – 150 с.
- Барт К. Послание к Римлянам. – М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2005, – 580 с.
- Барт К. Христианин в обществе // Путь. – № 1. – 1992. – С. 180-210.
- Барт К. Церковная догматика. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. – Т.1. – 2007, – 560 с.
- Барт К. Церковная догматика. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. – Т.4. – 2015. – 344 с.
- Барт К. Церковная догматика. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея. – Т.2. – 2011. – 712 с.
- Гегель Г. В. Ф. *Философия религии: в 2-х тт.* Т. 1. – М., 1976. – 532 с. – С. 400.
- Кальвин Ж. Толкование на Послание апостола Павла к Римлянам и Галатам. – Минск: УП «Минская фабрика цветной печати», 2007. – 551 с.
- Лезов С.В. Христианство и политическая позиция: Карл Барт // Путь. – № 1. – 1992. – с.171-172.
- Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики. – М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006. – 216 с.
- Хаутелен А. Бог: открытый вопрос. Богословские перспективы современной культуры. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2008. – 517 с.
- Шеллинг Ф.В.Й. *Философия Откровения.* В 2-х тт. – СПб., Наука, 2002. – Т. 2, пер с нем. А.П. Шербелева. – 478 с.